

А.И. Голотина

**«УМНЫЕ, КАК ГОЛУБИ, ПРОСТОДУШНЫЕ, КАК ЗМЕИ!»:
50-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ НАЧАЛА
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ**

На основе архивных документов и печатной прессы в статье рассматривается проблема подготовки и празднования 50-летнего юбилея начала Освободительной войны 1813–1815 гг. в Германии. Анализируется ход праздника, а также проблемы, с которыми столкнулось правительство в период коммеморативных мероприятий. Рассматриваются причины недовольства прусского общества данным праздником в сравнении с аналогичными торжествами 18 октября 1863 г.

Ключевые слова: Освободительные войны; военная история; историческая память; юбилейные даты; архивные документы.

Сведения об авторе: Голотина Алена Игоревна, лаборант-исследователь НИИ русской культуры Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51; аспирант, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: alena.golotina@mail.ru.

Alena I. Golotina

**“WISE AS DOVES, HARMLESS AS SERPENTS!”:
50 YEARS ANNIVERSARY OF THE BEGINNING
OF WARS OF LIBERATION IN GERMANY**

Based on archival documents and the print press, the article discusses the problem of preparing and celebrating the 50th anniversary of the beginning of the War of Independence 1813–1815 in Germany. The course of the holiday is analyzed, as well as the problems that the government encountered during the commemorative events. The reasons for the discontent of Prussian society with this holiday are considered in comparison with similar celebrations on October 18, 1863.

Keywords: Wars of Liberation; military history; historical memory; anniversary dates; archival documents.

About the author: Alena I. Golotina, Research Assistant Research Institute of Russian Culture of the Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00053. «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

© Голотина А. И., 2020

named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; Post-graduate Student, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

17 марта 1863 г. в столице Пруссии было пасмурно и туманно, накрапывал мелкий дождь. Однако в Берлине на этот день был намечен важный праздник, который не могла испортить плохая погода. Пятьдесят лет назад отец прусского короля Вильгельма I Фридрих Вильгельм III обратился к своему народу с известным призывом «An Mein Volk! (К моему народу!)» [“An Mein Volk!” 1813]. Этим обращением было символически ознаменовано начало Освободительной войны против многолетнего французского господства в германских землях.

Сегодня нельзя точно сказать, какой была погода 18 января, когда королем Вильгельмом и министрами прусского правительства во главе с Отто фон Бисмарком был подписан приказ о порядке мартовского празднования. Однако вряд ли кто-либо из людей, ставящих свою подпись под документом, мог предположить, что приказу уготована долгая жизнь. Как и многие делопроизводственные документы, этот документ после 17 марта 1863 г., казалось бы, должен был утратить актуальность и стать достоянием истории. Тем не менее, спустя 50 лет, в 1913 г. внук короля Вильгельма I император Вильгельм II пожелал, чтобы мартовские празднования в рамках столетнего юбилея Освободительной войны ориентировались на образцы 50-летней давности. Соответствующий документ был найден, и его копии были, по всей видимости, разосланы министрам прусского правительства. Одна из таких копий в итоге оказалась в берлинском отделении Федерального архива ФРГ в документах дела, относящегося к 1913 г. Оба праздника оказались связаны как желанием конкретных королевских особ [VArch (1): 42] и общими идеями победы прусского оружия над неприятелем, так и документационным делопроизводством.

Мартовский юбилей 1863 г. должен был, помимо празднования символической даты начала Освободительной войны, включать в себя праздник в честь создания Железного креста¹ и организации Ландвера [VArch (2): 47]. С идеологической точки зрения праздник был нацелен на то, чтобы воскресить память о тех славных днях, когда прусское оружие было покрыто неувядающей славой. Центральным событием праздника должна была стать церемония закладки первого камня в фундамент памятника королю Фридриху Вильгельму III [Ibidem]. Помимо прославления своего отца король хотел почтить и всех награжденных Железным крестом ветеранов, пригласив их к своему столу [Ibidem]. Не упустило правительство и подрастающее поколение, обьив 17 марта школьным праздником [VArch (2): 48].

---

¹ Праздник приходился на 10 марта – день рождения прусской королевы Луизы, жены Фридриха Вильгельма III.

Центром празднования становился Берлин, но и в других городах, будь то Потсдам, Кёнигсберг, Магдебург, Бреслау или любой другой город, где стоял прусский гарнизон, должны были состояться праздничные торжества. Однако уже сам характер этих торжеств и акцент на их военный аспект демонстрировал милитаристический характер празднования. Мероприятия в гарнизонах, подчеркнутая забота о ветеранах и военных мемориалах, а также создание комитета по подготовке праздника во главе с ветераном Освободительной войны генерал-фельдмаршалом Ф. Г. Э. фон Врангелем, – все это быстро предопределило факт превращения этого праздника из общепрусского в праздник прусской армии.

Более того, изначально были заложены основы того, чтобы праздник приобрел подчеркнуто милитаристский дух. Отдельным актом от 17 марта 1863 г., опубликованным в газете «Königlich Preußischer Staats-Anzeiger (Allgemeine preußische Staats-Zeitung)», король Вильгельм I учредил особые памятные медали. Эти медали предполагалось бы «выдать воинам славных походов 1813, 1814, 1815 годов как еще один знак признания нашей страны» [Königlich Preußischer Staats-Anzeiger. № 65. 1863]. Несколько типов медалей для разных категорий ветеранов отличались металлом, из которого их чеканили. Однако на каждой имелся портрет короля Фридриха Вильгельма III, дубовые и лавровые ветви, одинаковые памятные надписи. Самым важным для сохранения памяти о славных победах прусского оружия стоит назвать второй пункт этого акта. Согласно ему, медали должны были оставаться во владении семей награжденных даже после смерти ветеранов [Ibidem]. Тем самым национальная память сохранялась на микроуровне семей и отдельных людей, которые не могли не испытывать гордость за своего предка.

Сам по себе памятник прусскому королю, который должен был быть открыт в тот день, являлся своего рода политическим заявлением. Фундамент монумента, заложенный в этот дождливый мартовский день 1863 г., располагался не просто на одной из многих берлинских площадей. Конная статуя короля Фридриха Вильгельма III должна была появиться в Митте – сердце прусской столицы, в саду Люстгартен. Лицом изображение короля было развернуто к королевской резиденции – Берлинскому городскому дворцу. Сам король, изображенный в костюме своего времени, протягивал правую руку, словно Марк Аврелий, для благословения¹. Впрочем, работы по подготовке памятника начались задолго до начала царствования Вильгельма I. Уже король Фридрих Вильгельм IV, собираясь установить в Берлине этот памят-

---

¹ Речь идет об известной конной статуе Марка Аврелия, расположенной на Капитолийской площади в Риме [Königlich Preußischer Staats-Anzeiger. № 66. 1863].

ники, поручил скульптору Кристиану Даниэлю Рауху разработать его проект [Ibidem].

Газеты того времени дают нам возможность приподнять завесу тайны и проследить, как проходила столь важная для прусского государства церемония закладки первого камня. Из множества мелких заметок, упоминаний и рассуждений можно составить весьма неоднозначную картину происходящего. Однако стоит начать с пространного описания берлинского праздника, составленного для «Magdeburgische Zeitung» одним из ее корреспондентов. Очевидец праздника, к сожалению, оставшийся анонимным, описывал площадь, изменившуюся до неузнаваемости благодаря построенному на ней павильону, украшенному красными драпировками, вырытой для закладки фундамента яме, преобразившемуся фонтану и появлению трибун, на которых должны были разместиться зрители, с которых брали по 2 талера за место [Magdeburgische Zeitung. № 65. 1863]. Описывал корреспондент и праздничную процессию, состоящую из ветеранов, украшенных наградами. Среди ветеранов, к ликованию толпы, было и несколько женщин [Ibidem]. Король, впрочем, не произнес на самой церемонии ни слова [Bamberger Zeitung. № 79. 1863].

На праздник были приглашены многочисленные гости, дабы придать торжеству необходимый блеск и важность. Так, помимо ветеранов Освободительной войны из армейских корпусов Йорка, Клейста, Бюлова, Тауэнцина, на праздник было приглашено 90 женщин, награжденных Орденом Луизы [Allgemeine Zeitung. № 74. 1863]. Среди гостей, которых правительство пожелало видеть на празднике, фигурировали депутаты от палаты представителей [Fürther Tagblatt. № 64. 1863], а также члены ремесленных ассоциаций. На торжестве были также ветеран войны принц Фридрих Нидерландский со своей супругой Луизой Прусской [Leipziger Zeitung. № 63. 1863]. В торжествах должна были участвовать и русская военная делегация [Allgemeine Zeitung. № 76. 1863]. Не было недостатка и в рядовых зрителях. Торжество прошло без неприятных происшествий, а «общественный мир и порядок ни разу не были нарушены» [Augsburger Postzeitung. № 67. 1863].

Праздник завершился банкетом, данным королем для более чем двух тысяч рыцарей Железного креста. Король, молчавший на церемонии закладки первого камня памятника, дважды произносил речь на банкете [Bamberger Zeitung. № 79. 1863]. Первый раз он произнес тост в честь своего отца-короля Фридриха Вильгельма III – главного героя дня, который «ушел на вечный покой, поддерживаемый непреходящей любовью и благодарностью его народа и армии, как истинный отец отечества, храбрый воин того времени» [Ibidem]. Не забыл в этой речи король и о своем брате Фридрихе Вильгельме IV [Ibidem]. Второй тост король поднял за Железный Крест, Отечество и армию [Ibidem].

Несмотря на то, что центром праздника был Берлин, другие города Прусского королевства также приняли участие в торжествах. Так, в Магдебурге центром и главной движущей силой праздника стали несколько военных обществ [Magdeburgische Zeitung. № 64. 1863]. Начиная с парада, запланированного на 10 часов утра, и заканчивая церковной службой, «на которой ветераны получают почетные места у алтаря» [Ibidem], праздник, как и аналогичные торжества в иных прусских городах, был пропитан духом милитаризма. Немалую роль в коммеморативных торжествах отводилось и воспитанию патриотизма. Он должен был проявиться в песнях, скажем, в такой, как «Я пруссак», в той роли, которую играло в торжествах общество Гогенцоллернов, в королевских флагах... Интересно отметить, что сценарий этих торжеств предусматривал разделение участвовавших в ходе всех праздничных мероприятий этого дня, на ветеранов и военных, и на гражданских лиц. Одним из немногих исключений в этом плане стало разрешение наблюдать гражданским зрителям за празднованием, которое должно было состояться в клубах военных сообществ после официальной части праздника [Ibidem]. Но и в этом случае их участие могло быть исключено, так как залы клубов могли и не вместить праздных зрителей. В любом случае, это участие являлось лишь пассивным наблюдением, как и наблюдение за парадом, идущим по улицам.

При первом взгляде на источники кажется, что данный праздник ничем не выделялся из череды коммеморативных торжеств того периода. Те же торжественные речи о славе прусского оружия, парады, памятники, флаги и украшения городских зданий... Более того, спустя полгода, в октябре 1863-го, в Германии повсеместно и с большой помпой отмечалась 50-летняя годовщина Битвы народов под Лейпцигом. Однако, как говорилось в одной из газет, «празднование, которое могло бы быть очень приятным при других обстоятельствах, сейчас представляется не совсем удачным» [Münchener Omnibus. № 79. 1863].

Действительно, даже пресса того времени не могла не отразить в своих публикациях высокую степень беспокойства и неопределенности, охвативших как правящие круги, так и общественность.

Так, очевидно, что король не мог не присутствовать на церемонии закладки первого камня в фундамент памятника собственному отцу. Однако его настроение было мрачным. Газета «Aschaffenburgische Zeitung» извещала своих читателей, что «король с грустью смотрит на 17 марта, потому что ему кажется, что он ненадолго переживет этот день» [Aschaffenburgische Zeitung. № 64. 1863]. Похоже, что судьба брата – короля Фридриха Вильгельма IV, «который умер вскоре после того, как был заложен первый камень в фундамент памятника Фридриху Великому» [Ibidem], пугала Вильгельма I. Этот суеверный страх подпитывался реальными опасениями короля на счет того, что противники готовят покушение на его жизнь. Ситуацию осложнял и тот

факт, что наследный принц находился за пределами страны [Ibidem], и это сделало бы возможность быстрой передачи ему власти в случае реального покушения невозможной. Впрочем, король проявил твердость духа и отказался менять свои планы на 17 марта, хотя и не прозвучал на самой церемонии ни слова.

В связи с этим возникает вопрос о том, насколько реальными были страхи короля за свою жизнь? Недовольство части населения действиями правительства было очевидным. Определенные политические круги в Пруссии, связанные с радикальной оппозицией, подозревались в подготовке переворота. В этом, в частности, были замешаны провокаторы от Народной партии, которые должны были смешаться с толпами зрителей во время парада ветеранов и призывать к «отречению» [Münchener Omnibus. № 75. 1863]. Крики «Отрекись от престола! Отрекись!» действительно раздавались во время парада, однако военные быстро вмешались и прекратили беспорядки [Kemptner Zeitung. № 68. 1863]. Ситуация в Берлине в тот день оказалась настолько серьезной, что пресса просила граждан «воздерживаться от участия в уличной демонстрации» [Münchener Omnibus. № 75. 1863].

Пытаясь подавить любое проявление инакомыслия, власти идут на самые разнообразные меры. Общественность также не остается пассивной в то время, когда в городе начинают распространяться странные слухи. Под их влиянием ряд городских ассоциаций принимает решение «не участвовать в торжествах 17 марта, а рассматривать этот день как обычный рабочий день» [Kemptner Zeitung. № 68. 1863; Süddeutsche Zeitung. № 138. 1863]. Уже одна заметка о том, что «Королю сказали, что он не в безопасности в своих покоях, и поэтому он тайно держал под неусыпным контролем свой дворец в течение нескольких недель» [Kemptner Zeitung № 68 1863] говорила о том, насколько напряженной была обстановка в городе.

В этой ситуации власти конфисковали выпуск № 12 сатирического журнала «Кладдерадач» от 15 марта всего-навсего за маленькую заметку в две строчки [Kladderadatsch. № 12. 1863]. Однако эти строчки под заголовком «Пароль на 17 марта» за авторством «незримого городского коменданта», кажется, сильно встревожили власти. «Умные, как голуби, простодушные, как змеи! В четверг не выйдет!» – говорил этот скрытый комендант. На первый взгляд фраза не имеет смысла, однако она является всего лишь переделанным отрывком из 10 главы Евангелия от Матфея. В оригинале вся фраза звучит иначе: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» [От Матфея святое благовествование]. Можно по-разному интерпретировать эту цитату, однако скорее всего автор или авторы фельетона намеренно исказили фразу, демонстрируя тем самым, что прусское правительство также пыталось исказить действительность. Однако, несмотря на то, что правящие власти сделали

простодушной мудрую «змею» и добавили «голубю» не свойственного ему ума, в четверг (17 марта) у них это сделать не получилось бы, потому что их уловки были замечены.

Впрочем, действия (а в большей степени показательное бездействие) общественности в ответ на все усилия правительства организовать праздник говорили о глубоких противоречиях, накопившихся к тому моменту в обществе по отношению к власти. 17 марта стало лишь поводом, чтобы продемонстрировать это недовольство, что выразилось, например, в таких мелочах, как отказ украшать свои дома во время праздника [Magdeburgische Zeitung. № 65. 1863]. С точки зрения оппозиционно настроенной общественности, праздник, который должен был воскрешать в памяти потомков славные победы всего прусского народа, превратился в милитаризованное действо, подчеркивающее роль военных кругов. В то же время ландвер, являвшийся зримым воплощением воли народа, был отстранен от празднования под тем предлогом, что полки ландвера появились уже после 17 марта 1813 г. [Süddeutsche Zeitung. № 124. 1863]. В одной из газетных заметок говорилось о том, что «правительство празднует День основания Ландвера не для того чтобы возродить этот институт, а чтобы похоронить его» [Regensburger Morgenblatt. № 61. 1863]. Поэтому не вызвал удивления тот факт, что новость, будто «общая фотография нынешнего министерства должна быть заложена в основание <памятника>», вызвала заявление одной из газет о том, что Пруссия предпочла бы «закопать само министерство вместо фотографии» [Würzburger Anzeiger. № 74. 1863].

Впрочем, милитаристический уклон празднования не выглядел более важной проблемой, чем разногласия идейного характера. Время наполеоновского господства оказалось отмечено для германских земель не только иноземным ярмом, но и проникновением множества новых идей, которые вырвали, прежде всего, Пруссию из векового сна и обусловили начало процесса становления германской нации. Однако наступившая после завершения наполеоновских войн политическая реакция, казалось, остановила этот процесс. Поэтому и не было ничего странного в том, что, как писалось в одной из газет, «люди мрачно отворачиваются от тех, кто хочет использовать память о прекрасном времени для реакционных оргий» [Süddeutsche Zeitung. № 138. 1863] и не упоминает о том состоянии упадка, который переживала Пруссия до начала наполеоновских войн [Bayerische Zeitung. № 76. 1863]. С идеологической точки зрения праздник позиционировался властями не просто как начало победы над национальным врагом, но, прежде всего, как победы над враждебными немцам идеями 1789 г. [Ibidem]

Если «средний класс» германского общества был недоволен тем, что лежало в плоскости мировоззрения, то недовольство депутатов и рабочих действиями правительства было связано с вещами более конкретными. Помимо того, что у членов ремесленных союзов появи-

лись претензии из-за поздних сроков оповещения их о торжествах [Magdeburgische Zeitung. № 63. 1863], конфликтная ситуация возникла и в отношении их размещения в день самого праздника. На переговорах с правительством было выдвинуто предложение установить трибуны, чтобы в день закладки фундамента памятника представители ремесленных корпораций «могли что-то увидеть». Правительство не пошло на подобные меры и оставило порядок прежним – члены ремесленных союзов должны были стоять за спинами военных [Allgemeine Zeitung. № 76. 1863]. Поэтому не было ничего удивительного в том, что после столь демонстративно пренебрежительного отношения и приглашения представителей ремесленных союзов, скорее по необходимости, «нежели по доброму желанию» [Münchener Omnibus. № 79. 1863], они предпочли не принимать участия в организованном правительством празднике [Augsburger Postzeitung. № 67. 1863].

Ситуацию осложняла возможность появления и внешнеполитической проблемы, связанной с реакцией Франции на предстоящие мероприятия. Газеты сообщали, что «беспокойство по поводу серьезных затруднений с Францией распространилось на придворные круги» [Augsburger Anzeigebblatt. № 76. 1863], и что «следует опасаться всего, что может задеть Францию и ее династию» [Bamberger Zeitung. № 76. 1863]. Интересно, что спустя полгода, когда немецкие государства широко праздновали 50-летие Битвы народов, о реакции Французской империи никто не беспокоился, но в случае с Пруссией и ее конкретным праздником пресса оказалась полна опасений. Прекрасно понимая, что торжества могут вызвать раздражение западного соседа, прусское королевское правительство всеми силами старалось сгладить ситуацию. Так, над праздничными представлениями, даваемыми в театрах, основательно поработала цензура [Allgemeine Zeitung. № 76. 1863]. Любые упоминания о Франции 17 марта намеренно пресекались полицией [Allgäuer Zeitung. № 67. 1863]. Сама формулировка акта об учреждении памятных медалей, в которой говорилось о «славных походах 1813, 1814 и 1815», уходила от открытого упоминания того противника, против которого и совершались эти походы [Königlich Preussischer Staats-Anzeiger. № 65. 1863]. Прусских и русских участников праздника, а также ветеранов просили воздержаться от песен, содержащих в себе слова, направленные против Франции, «потому что они больше не соответствуют настоящему времени» [Bayerische Zeitung. № 76. 1863]. В этой ситуации само приглашение на праздник русской делегации (всем была еще памятна Крымская война) невольно наводило на мысль о том, что прусское правительство исходило в этом случае отнюдь не из соображения почитания памяти славного боевого товарищества 50-летней давности.

Самым удивительным в мартовских событиях далекого 1863 г. было то, насколько сильно этот праздник контрастировал с октябрьски-

ми коммеморативными торжествами того же года. В то время как Берлин в марте постоянно сталкивался с проблемами и казалось, что все, от короля до последнего ремесленника, не хотели праздновать этот день так, как было запланировано, вторая половина октября, связанная с юбилеем Битвы народов, прошла в праздничной эйфории национально-го единства. В то время, как 17 марта было праздником военных, без участия гражданских лиц, 18 октября, казалось, отмечали все немцы.

Сложно говорить о том, насколько возможным было отпраздновать 17 марта при бóльшей согласии короны и общества. Возможно, празднику помешала специфическая политика прусского министерства и столкновения в плоскости идеологической. Может быть, само позиционирование праздника как исключительно прусского также имело последствия. Наконец, возможно, что будь в день 17 марта 1863 г. тепло и солнечно, результат праздника был бы иным. Неизменным остается лишь тот факт, что в данном конкретном случае попытка воздействия на общество посредством обращения к славным победам прошлого оказалась не очень удачной.

Список источников и литературы

- От Матфея святое благовествование** – От Матфея святое благовествование.
URL: https://ru.wikisource.org/wiki/От_Матфея_святое_благовествование.
- “An Mein Volk!” 1813** – Aufruf des Königs von Preußen Friedrich Wilhelm III. “An Mein Volk!”. Vom 17. März 1813. URL: http://www.documentarchiv.de/nzjh/preussen/1813/an-mein-volk_friedrich-wilhelmIII-aufruf.html.
- Allgäuer Zeitung. № 67. 1863** – Allgäuer Zeitung № 67. Kempten: Kösel & Pustet, 1863. S. 266.
- Allgemeine Zeitung. № 74. 1863** – Allgemeine Zeitung № 74. München: Allg. Zeitung, 1863. S. 1215.
- Allgemeine Zeitung. № 76. 1863** – Allgemeine Zeitung № 76. München: Allg. Zeitung, 1863. S. 1256.
- Aschaffener Zeitung. № 64. 1863** – Aschaffener Zeitung № 64. Aschaffenburg: Gauverl. Mainfranken, Zweigniederlassung Aschaffenburg, 1863. S. 1.
- Augsburger Anzeigebblatt. № 76. 1863** – Augsburger Anzeigebblatt № 76. Augsburg, 1863. S. 2.
- Augsburger Postzeitung. № 67. 1863** – Augsburger Postzeitung № 67. Augsburg: Haas & Grabherr, 1863. S. 445.
- Bamberger Zeitung. № 76. 1863** – Bamberger Zeitung № 76. Bamberg: Reindl, 1863. S. 1.
- Bamberger Zeitung. № 79. 1863** – Bamberger Zeitung № 79. Bamberg: Reindl, 1863. S. 1.
- BARch (1)** – Gez. Freiherr von Lyncker – An den Königlichen Präsidenten des Staatsministeriums Herrn Dr. von Bethmann Hollweg Exzellenz (Abschrift). Berlin, den 7. November 1911 // Bundesarchiv, R 43/1346, fol. 42.

- BArch (2)** – Gez. Wilhelm – An das Staatsministerium (Abschrift). Berlin, den 18. Januar 1863 // Bundesarchiv, R 43/1346, fol. 47-48.
- Bayerische Zeitung. № 76. 1863** – Bayerische Zeitung (Münchener politische Zeitung) № 76. München: Wolf, 1863. S. 583.
- Fürther Tagblatt. № 64. 1863** – Fürther Tagblatt № 64. Nürnberg: Spandel, 1863. S. 2.
- Kemptner Zeitung. № 68. 1863** – Kemptner Zeitung № 68. Kempten: Dannheimer, 1863. S. 300.
- Kladderadatsch. № 12. 1863** – Parole für den 17. März // Kladderadatsch № 12. Berlin: Verlag von A. Hofmann u. Co. 1863. S. 47.
- Königlich Preußischer Staats-Anzeiger. № 65. 1863** – Urkunde, betreffend die Stiftung einer Erinnerungs-Kriegs-Denk Münze. Vom 17. März 1863 // Königlich Preußischer Staats-Anzeiger (Allgemeine preußische Staats-Zeitung) № 65. Berlin: Decker, 1863. S. 501.
- Königlich Preußischer Staats-Anzeiger. № 66. 1863** – Königlich Preußischer Staats-Anzeiger (Allgemeine preußische Staats-Zeitung) № 66. Berlin: Decker, 1863. S. 509.
- Leipziger Zeitung. № 63. 1863** – Leipziger Zeitung № 63. Leipzig: Königl. Expedition d. Leipziger Zeitung, 1863. S. 1283.
- Magdeburgische Zeitung. № 63. 1863** – Magdeburgische Zeitung № 63. Magdeburg: Faber, 1863. S. 1.
- Magdeburgische Zeitung. № 64. 1863** – Magdeburgische Zeitung № 64. Magdeburg: Faber, 1863. S. 6.
- Magdeburgische Zeitung. № 65. 1863** – Magdeburgische Zeitung № 65. Magdeburg: Faber, 1863. S. 1.
- Münchener Omnibus. № 75. 1863** – Münchener Omnibus № 75. München: Deschler, 1863. S. 594.
- Münchener Omnibus № 79. 1863** – Münchener Omnibus № 79. München: Deschler, 1863. S. 627.
- Regensburger Morgenblatt. № 61. 1863** – Regensburger Morgenblatt № 61. Regensburg: Pustet, 1863. S. 1.
- Süddeutsche Zeitung. № 124. 1863** – Süddeutsche Zeitung, Abendblatt № 124. Frankfurt, M.: Naumann, 1863. S. 2.
- Süddeutsche Zeitung. № 138. 1863** – Süddeutsche Zeitung, Morgenblatt № 138. Frankfurt, M.: Naumann, 1863. S. 2.
- Würzburger Anzeiger. № 74. 1863** – Würzburger Anzeiger (Neue Würzburger Zeitung) № 74. Würzburg: Stahel, 1863. S. 2.

References

- Ot Matfeya svyatoe blagovestvovanie** – Ot Matfeya svyatoe blagovestvovanie. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Ot_Matfeya_svyatoe_blagovestvovanie.
- “An Mein Volk!” 1813** – Aufruf des Königs von Preußen Friedrich Wilhelm III. “An Mein Volk!”. Vom 17. März 1813. URL: http://www.documentarchiv.de/nzjh/preussen/1813/an-mein-volk_friedrich-wilhelmIII-aufruf.html
- Allgäuer Zeitung. № 67. 1863** – Allgäuer Zeitung № 67. Kempten: Kösel & Pustet, 1863. S. 266.

- Allgemeine Zeitung. № 74. 1863** – Allgemeine Zeitung № 74. München: Allg. Zeitung, 1863. S. 1215.
- Allgemeine Zeitung. № 76. 1863** – Allgemeine Zeitung № 76. München: Allg. Zeitung, 1863. S. 1256.
- Aschaffener Zeitung. № 64. 1863** – Aschaffener Zeitung № 64. Aschaffenburg: Gauverl. Mainfranken, Zweigniederlassung Aschaffenburg, 1863. S. 1.
- Augsburger Anzeigblatt. № 76. 1863** – Augsburger Anzeigblatt № 76. Augsburg, 1863. S. 2.
- Augsburger Postzeitung. № 67. 1863** – Augsburger Postzeitung № 67. Augsburg: Haas & Grabherr, 1863. S. 445.
- Bamberger Zeitung. № 76. 1863** – Bamberger Zeitung № 76. Bamberg: Reindl, 1863. S. 1.
- Bamberger Zeitung. № 79. 1863** – Bamberger Zeitung № 79. Bamberg: Reindl, 1863. S. 1.
- BArch (1)** – Gez. Freiherr von Lyncker – An den Königlichen Präsidenten des Staatsministeriums Herrn Dr. von Bethmann Hollweg Exzellenz (Abschrift). Berlin, den 7. November 1911 // Bundesarchiv, R 43/1346, fol. 42.
- BArch (2)** – Gez. Wilhelm – An das Staatsministerium (Abschrift). Berlin, den 18. Januar 1863 // Bundesarchiv, R 43/1346, fol. 47-48.
- Bayerische Zeitung. № 76. 1863** – Bayerische Zeitung (Münchener politische Zeitung) № 76. München: Wolf, 1863. S. 583.
- Fürther Tagblatt. № 64. 1863** – Fürther Tagblatt № 64. Nürnberg: Spandel, 1863. S. 2.
- Kemptner Zeitung. № 68. 1863** – Kemptner Zeitung № 68. Kempten: Dannheimer, 1863. S. 300.
- Kladderadatsch. № 12. 1863** – Parole für den 17. März // Kladderadatsch № 12. Berlin: Verlag von A. Hofmann u. Co, 1863. S. 47.
- Königlich Preußischer Staats-Anzeiger. № 65. 1863** – Urkunde, betreffend die Stiftung einer Erinnerungs-Kriegs-Denk Münze. Vom 17. März 1863 // Königlich Preußischer Staats-Anzeiger (Allgemeine preußische Staats-Zeitung) № 65. Berlin: Decker, 1863. S. 501.
- Königlich Preußischer Staats-Anzeiger. № 66. 1863** – Königlich Preußischer Staats-Anzeiger (Allgemeine preußische Staats-Zeitung) № 66. Berlin: Decker, 1863. S. 509.
- Leipziger Zeitung. № 63. 1863** – Leipziger Zeitung № 63. Leipzig: Königl. Expedition d. Leipziger Zeitung, 1863. S. 1283.
- Magdeburgische Zeitung. № 63. 1863** – Magdeburgische Zeitung № 63. Magdeburg: Faber, 1863. S. 1.
- Magdeburgische Zeitung. № 64. 1863** – Magdeburgische Zeitung № 64. Magdeburg: Faber, 1863. S. 6.
- Magdeburgische Zeitung. № 65. 1863** – Magdeburgische Zeitung № 65. Magdeburg: Faber, 1863. S. 1.
- Münchener Omnibus. № 75. 1863** – Münchener Omnibus № 75. München: Deschler, 1863. S. 594.
- Münchener Omnibus. № 79. 1863** – Münchener Omnibus № 79. München: Deschler, 1863. S. 627.
- Regensburger Morgenblatt. № 61. 1863** – Regensburger Morgenblatt № 61. Regensburg: Pustet, 1863. S. 1.

- Süddeutsche Zeitung. № 124. 1863** – Süddeutsche Zeitung, Abendblatt № 124.
Frankfurt, M.: Naumann, 1863. S. 2.
- Süddeutsche Zeitung. № 138. 1863** – Süddeutsche Zeitung, Morgenblatt № 138.
Frankfurt, M.: Naumann, 1863. S. 2.
- Würzburger Anzeiger. № 74. 1863** – Würzburger Anzeiger (Neue Würzburger
Zeitung) № 74. Würzburg: Stahel, 1863. S. 2.